

№

АНТРАКТЪ.

6.

Антракты выходятъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.) Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова Дави-дова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Петербургскіе театры. — Еще по поводу артистическаго кружка. — Смѣсь (Пѣвица-теноръ. Пожаръ театра. Дуэль).

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Прошедшій годъ заключился неудачною постановкою на петербургской сценѣ исторической пѣсмы г. Аверкіева, *Малаево побойще*, не имѣвшей на сценѣ — и совершенно справедливо — успѣха. За то текущій годъ начался блистательнымъ успѣхомъ другою исторической пѣсмы. Въ бенефисъ г. Пальскаго была играна въ 1-й разъ замѣчательнѣйшая изъ вещей пѣсмы, данныхъ въ истекшемъ сезонѣ на петербургской русской сценѣ, это — *Димитрій самозванецъ* Чаева.

Пѣса эта начинается полученіемъ грамотъ Димитрія въ Москвѣ и кончается убійствомъ его въ Кремлѣ. — Это скорѣе не драма, а драматическая хроника, имѣющая не мало за собою и сценическихъ и литературныхъ достоинствъ. Однимъ изъ главныхъ между этими достоинствами является добросовѣстное изученіе жизни взятой авторомъ эпохи, хотя къ этой жизни авторъ иногда и относится нѣсколько странно. Особенно странно выведена у автора этой пѣсмы личность самаго самозванца. Совершенно оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что Димитрій — сознательный или безсознательный самозванецъ, авторъ тѣмъ самымъ лишаетъ эту личность чрезвычайно драматическаго элемента (не даромъ Шиллеръ въ своей неоконченной драмѣ «Димитрій» ставитъ открытіе Димитрію того, что онъ самозванецъ, — одною изъ главныхъ перенетій своей драмы). Г. Чаевъ рисуетъ Димитрія какимъ то сумасбродомъ, который постоянно повинуетъ однимъ только минутнымъ влеченіямъ, который во всемъ поступаетъ неподумавши, человѣкомъ, который никакъ не могъ бы, при своемъ характерѣ и при своей безалаберности, не только достигнуть престола, увлечь короля, польскихъ вельможъ, пану, іезуитовъ, наконецъ всю Русь, но даже держаться на престолѣ и погибнуть только вслѣдствіе заговора партіи, въ то время, какъ большинство бѣжало въ Кремль спасать любимаго царя. Принявши самъ католицизмъ и давъ обѣщаніе и во всей Россіи ввести это вѣроисповѣданіе, Димитрій такъ ловко тянетъ дѣло, что промедленіемъ своимъ во вводитъ католицизма не раздражаетъ ни іезуитовъ, ни паны. И вообще вся судьба перваго самозванца, все — какъ онъ достигалъ царства и какъ потомъ правилъ имъ, реформы, которыя онъ сдѣлалъ и ду-

малъ сдѣлать, — не показываетъ ли все это въ первомъ самозванцѣ характера болѣе глубокаго, чѣмъ какимъ представилъ его г. Чаевъ? Но хорошо ли, или дурно понималъ г. Чаевъ характеръ самозванца, вѣрно или нѣтъ съ исторіей представилъ его, все таки у него Димитрій самозванецъ — живое лицо, за что большое ему спасибо. Я не стану, впрочемъ, разбирать этой пѣсмы; вѣроятно она появится вскорѣ и на московской сценѣ и Антрактъ не приминетъ подробно разобрать ее, скажу только, что *Димитрій самозванецъ* Чаева, не смотря на свои недостатки, при современномъ состояніи нашей драматургіи, явленіе весьма отрадное. Народныя сцены въ пѣсѣ очень хороши, языкъ тоже очень хорошъ, хотя иногда и изысканъ, благодаря слишкомъ большому употребленію народныхъ и летописныхъ выраженій. Вообще пѣса эта заключаетъ въ себѣ много достоинствъ и потому не удивительно, что она имѣла большой успѣхъ, чему отчасти содѣйствовалъ и самый сюжетъ ея. До сихъ поръ, со временъ пѣсмы Сумарокова, самозванцу входъ на сцену былъ воспрещенъ. Билеты на представленія этой пѣсмы доставались съ большимъ трудомъ, театръ постоянно былъ полонъ и автора вызывали нѣсколько разъ, при чемъ (замѣтимъ, какъ новость) онъ выходилъ раскланиваться съ публикою не въ директорскую ложу, какъ водилось доселѣ, а на сцену, рука объ руку съ г. Самойловымъ, исполнявшимъ роль самозванца. Новость эта прежде всего явилась на петербургской русской оперной сценѣ, на которой гг. Даргомыжскій и Стрѣвъ, на вызовъ публики, стали выходить не въ директорскую ложу, а на сцену, вмѣстѣ съ артистами, исполнявшими ихъ оперы.

Обстановка *Димитрія Самозванца* на петербургской сценѣ хотя и не роскошна, но довольно прилична; двѣ декорации сдѣланы новыя. За то нѣкоторыя другія декорации, какъ напр., долженствовавшая изображать золотую палату въ Кремлѣ, были вовсе не похожи на то, что должны были собою изображать. Поставлена пѣса старательно, хотя и нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя сцены могли бы быть поставлены гораздо лучше, особенно народныя. (Вообще вредило очень эффекту подобныхъ сценъ то, что въ нихъ на театрѣ было мало народу). Възъездъ Димитрія, отличавшійся, какъ извѣстно, своимъ великолѣпіемъ, на сценѣ довольно бѣденъ, и крики народные, величающіе самозванца